

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

НАСТОЯТЕЛИ ДМИТРОВСКОГО БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ В 19 В.

16.1.1803-10.2.1804 - архимандрит - Александр (Алексеев)
17.4.1804-1806 - архимандрит - Гедеон (Фомин)
9.8.1806-1810 - архимандрит - Макарий (Брюшков)
6.8.1810-11.8.1811 - архимандрит - Евгений (Казанцев)
28.8.1811-20.7.1816 - архимандрит - Досифей (Голенищев-Кутузов)
26.7.1816-4.7.1819 - архимандрит - Арсений (Козноров или Кознеров)
4.7.1819-1822 - архимандрит Феофилакт
26.3.1822-1826 - архимандрит - Платон
19.3.1826-28.3.1830 - архимандрит - Евлампий (Пятницкий)
17.7.1830-31.12.1830 - архимандрит - Платон (Казанский)
1.2.1832-1835 - архимандрит - Феофил
3.2.1835-1846 - архимандрит - Тихон III
1846-31.8.1855 - архимандрит Иаков (Кротков)
11.9.1855 (1854?)-1872 - архимандрит - Герман ?Гавриил (Соколов)
1872-1880 - архимандрит - Михаил
1880-1882 - игумен - Сергей II
1882-1888 - архимандрит - Сергей II из игуменов
?1891 -18 92 - архимандрит Пантелеймон
1892 - 1893 - архимандрит Митрофан
1894-97 ? архимандрит Феофан

В 1801 г. И. Толченев записал в своем Дневнике:

«Скончался чудесным образом Павел Петрович, на престол возшел к образованию всей России государь император Александр Павлович».

Архимандрит Гедеон (Фомин) 1804-1806

В апреле 1804 г. в Дмитровский Борисоглебский монастырь был назначен настоятелем архимандрит Гедеон (Фомин), ректор Вифанской духовной семинарии (1804-1812), учрежденной в 1797 г. по

указу императора Павла I. Главным подвижником в деле открытия семинарии был тогдашний Московский митрополит Платон (Левшин). Первым ректором Вифанской семинарии был ректор Троицкой духовной семинарии (1795-1798) и Московской духовной академии (1801-1804) Августин (Виноградский). В 1804 г. на должность ректора был назначен Гедеон (Фомин).

Вифанская семинария была открыта при Спасо-Вифанском монастыре, устроенном митрополитом Платоном (Левшиным) неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры для захоронения лаврских монахов. В Вифанской духовной семинарии архимандрит Борисоглебский преподавал богословие и в силу этого, постоянно жил в Вифании, а его настоятельство в Борисоглебском монастыре было большей частью заочным. Вот как эту ситуацию расшифровывает письмо, присланное от митрополита Платона в Борисоглебский монастырь:

«Получено 17 февраля 1805 г.

Как настоятель, архимандрит Борисоглебский Гедеон должен жить всегда в Вифанской Семинарии при обучении богословия, то и поручаем мы в правление тот монастырь тамошнему казначею иеромонаху Серафиму, коему иметь смотрение над монашествующими и штатными служителями, с настоятельской властью. А потому неисправных приводить в порядок, а бесчинствующих из монашествующей благоразумно и духовно штрафовать.

А паче наблюдать, чтобы монашествующие жили воздержанно и смиренно, и за монастырь не волочились, и служба божия исправляема была безостановочно и благочинно. А в случае их неисправления или ослушания, казначею представлять прямо к нам. И ему казначею за особые труды получать из доходов кружечных противу иеромонахов вдвое. А настоятелю архимандриту, когда в монастыре быть случится, прилежно осмотреть, все ли в порядке и в исправности, и нам рапортовать.

Подпись: *Платон Митрополит Московский*».

В архиве Дмитровского Борисоглебского монастыря сохранилось несколько документов за подписью архимандрита Гедеона, в том числе и его письмо братии Борисоглебского монастыря, написанное черными чернилами на небольшом плотном голубого цвета листке бумаги, на одной стороне которого подписано – из Вифании:

Портрет Августина (Виноградского), архиепископа Московского и Коломенского, с 1804 г. - епископ, с 1814 по 1818 гг. - архиепископ Дмитровский, настоятель Троице-Сергиевой Лавры
Неизв. худ., 19 в., ЦАК МПДА

«Святые отцы и братья Борисоглебского Дмитровского монастыря!

Желя вас видеть прямо шествующими по пути благочестия, сходственно с правилами и подвигами богоугодивших мужей – за нужное Почитаю при частых моих бывших к вам на поминаний еще и ныне молити вас о Господи, **ЧТОБЫ ТРЕЗВЕННОСТЬ ВАША, СМИРЕНИЕ И ПОСЛУШАНИЕ БЫЛИ ЖИВЫМ ПРИМЕРОМ ДЛЯ ВСЕХ ГРАЖДАН И ПОСЕЩАЮЩИХ ВАШ МОНАСТЫРЬ ПОКЛОННИКОВ.**

Ибо лучший их отзыв пред архипастырем о вашей богоугодной жизни **успокоит и утешит старость его** о вас отечески болезнующей. Для сего указание и распоряжение:

Отца казначея Серафима сносити с благодарным духом – ибо тягость сию и попечение о вас да с радостью он творит, а не въздыхая с жалостью. И тако молю вас о благоприличном вашего звания прохождении. Сему и буду к вам усердным дмитровский Архимандрит Гедеон, **16 февраля 1805 г.**».

В документах упоминается, что **казначей иеродьякон Серафим** родом из села Поводова Тарусского уезда, сын дьячка Ивана Маркова. С октября 1793 г. по 1795 г. проходил послушание в Московском Богоявленском монастыре, в 1795 г. был переведен в Борисоглебский монастырь в число братии, там же 1797 г. был пострижен игуменом Апполинарием, «в 1798 определен казначеем с совмещением крылосного служения. В семинарии не учился. К священнослужению крылосному и прочим послушаниям способен, жизни изрядной трезвой».

По-видимому, что-то не заладилось с управлением монастырем казначеем Серафимом, т.к. уже в сентябре 1805 г. митрополит Московский Платон своей резолюцией назнача-

ет в Дмитровский Борисоглебский монастырь иеродьякона из Златоустовского монастыря Варсонофия.

«Представление архимандрита Гедеона митрополиту Платону 1805 г.

Словесного вашего высокопреосвященства резолюциею приказано мне при представлении Златоустовского отца архимандрита в Дмитровский Борисоглебский монастырь в казначеи одного монастыря иеродьякона Варсонофия дать свое о сем мнение: то во исполнение сего доношу, что оный иеродьякон **по его честности, исправности и довольному во всем монастырском сведении**, как то видно из выстройки келий, признается мною способным быть казначеем и в отсутствие настоятеля управлять монастырем». Сверху резолюция черными чернилами:

«Иеродьякону Варсонофию быть казначеем в Дмитровском Борисоглебском монастыре, **править все монастырское и управлять монастырем.** А как ему следует быть иеромонахом, то представить о том, с тем, что и сколько будет иеромонахов и иеродьяконов, и на каком основании оставить бывшего казначея».

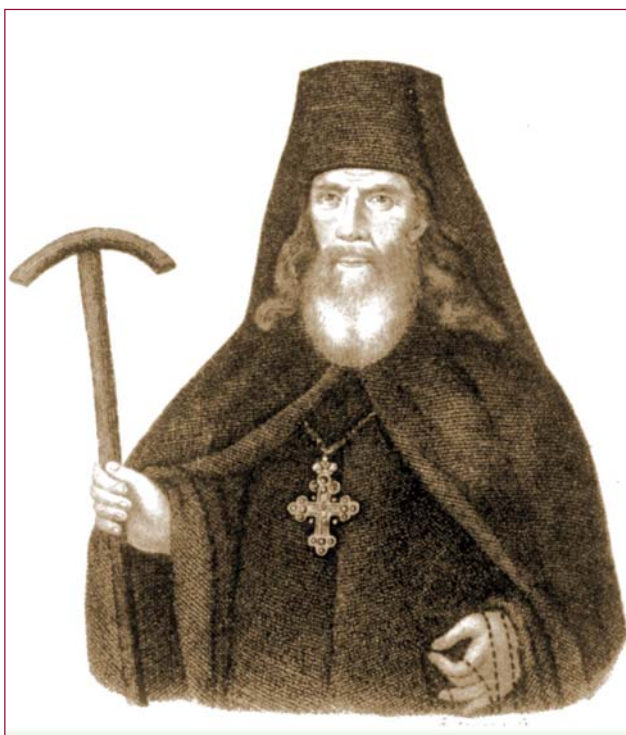
Архимандрит Гедеон (в миру Григорий Фомин) из вдовых дьяконов Московского Новодевичьего монастыря. В 1799 г. поступил учителем греческого языка в духовную семинарию Троице-Сергиевской Лавры, вскоре принял монашество. В 1800 г. был назначен префектом, а в 1801 г. (*по Половцеву*) – ректором Вифанской семинарии. **1804-1806 – архимандрит Дмитровского Борисоглебского монастыря** (с сохранением ректорства), 1806-1808 – архимандрит Московского Златоустовского монастыря, 1808-1811 – Лужецкого Можайского, 1811-1812 – Московского Богоявленского монастырей. Скончался в декабре 1812 г. (В рапорте казначея, иеромонаха Богоявленского монастыря, Аарона за 1812 г. в части событий, **касающихся судьбы Богоявленского монастыря** во время нашествия войск Наполеона, сказано: «настоятель, покойный архимандрит Гедеон, убравши заблаговременно **богатеишую жемчужную ризницу** и утварь, выехал с прочим транспортом церковных ризниц в Вологду». (*ЧОИДР, 1858, книга 4. Отд.2. С. 42.*)

Богоявленский монастырь в Москве

Фото из альбома
Н. А. Найденова
“Москва. Соборы,
монастыри и церкви”
М., 1883 г.

Архимандрит Макарий (Брюшков) 1806-1810

Игумен
Макарий
Гравюра из книги
К. Калайдовича
«Историческое описание
Николо-Песношского
монастыря».
СПб., 1837 г.

6 августа 1806 г. в Спасо-Вифанском монастыре преосвященный митрополит Платон посвятил Пешношского строителя Макария в архимандриты в Дмитровский Борисоглебский монастырь (с сохранением за ним начальства и жительства на Пешноше).

В основу написания этой главы, помимо документов из архива Дмитровского Борисоглебского монастыря, положены следующие работы:

Летопись Иеронима Суханова, В. Руднев «Цветник Пешношский», К. Калайдович «История Николаевского Пешношского монастыря, 1837 г., «Сказание о жизни Феофана, архимандрита Кирилло-Новоезерского монастыря».

Жизнеописание архимандрита Макария сообщает, что он (в миру Матфей) родился в 1750 году, в городе Рузе Московской губернии, в благочестивой купеческой семье Брюшковых Косьмы и Евдокии. Еще мальчиком Матфей был отдан родителями для учения торговому делу в Москву, но на 18 году своей жизни решил оставить мир и отправился в Санаксарскую пустынь к строителю, отличавшемуся иноческой строгостью, иеромонаху Феодору (Ушакову).

Обитель Санаксарская была одна из беднейших; за деревянным забором стояла деревянная церковь с волоковыми окнами, необтесанными стенами, и вместо свечей, по бедности, служба проходила при лучинах.

Братия, находившаяся под руководством отца Феодора, выбравшего путь иноческой аскезы, жила по общежитному уставу и за неимением лучшего ходила в лаптях и балахонах.

В 1771 г. в Санаксарскую обитель пришел в возрасте 18 лет, будущий знаменитый архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря Феофан, а тогда Феодор, и из-за отсутствия свободной кельи, поселенный в одну с послушником Матфеем.

Вот как дальше пишет об этом В. Руднев:

«С того времени завязалась между ними искренняя, святая дружба, не прекращавшаяся до самой смерти. Друзья вместе молились, вместе и трудились на монастырских послушаниях. Любовь к Богу и взаимная дружба все труды делали для них легкими. «Но нельзя, чтобы и плевел не было между пшеницей, - рассказывает в своих записках об этом времени о. Феофан, - и нас старцы бранивали за противоречие, непонятие.

Я жил в одной келье с Макарием; ему больше всех искушений было; о. Феодор даст ему балахон худо сшитый, с длиною спиной или с заплатами, тот смущается, придет к О. Феодору, показывает как на нем балахон сидит, какая спина несообразная. О. Феодор начнет увещевать: «**Зачем пришел в монастырь?** Да есть ли разум!.. **Чем занимаетесь?.. Тряпками!**.. Надобно заниматься тем, чтобы душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься!».

В 1774 году воевода города Темникова, рядом с которым находилась Санаксарская пустынь, затаив злобу на строителя Феофора за его обличения, оклеветал старца, и тот был сослан в Соловецкий монастырь.

Через неделю под Темников пришел бунтовщик атаман Емельян Пугачев со своим войском. Город был разграблен, большая часть пустынников Санаксара попряталась от разбойников в лесу, но послушники Матфей и Феодор остались в обители, молясь Богу, и Господь сохранил их - бунтовщики не коснулись обители.

Оставшаяся без своего пастыря братия в пустыни потихоньку покидала ее, вскоре Матфей (Макарий) и Феодор (Феофан) перешли в **Введенскую пустынь** к знаменитому старцу Клеоппе, прожившему большую часть своей жизни на Афоне (в одно время со старцем **Паисием Величковским**).

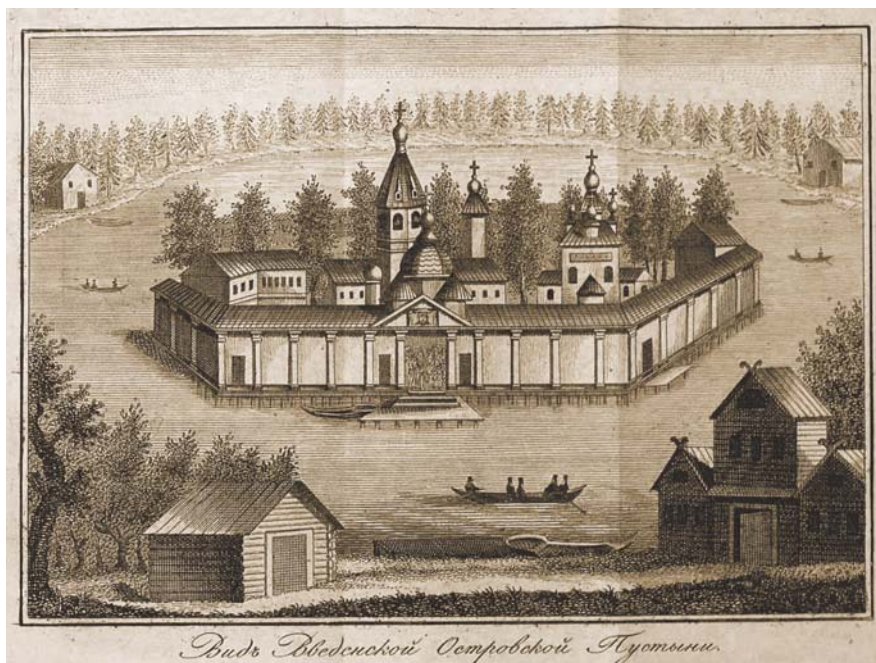
На 25 г. своей жизни друг Матфея Феодор был пострижен в Тисманском монастыре с именем Феофан, а Матфей, получив увольнение от своего городского общества, утвержден в числе братства Введенской пустыни под началом отца Клеоппы. Окруженный прекрасными примерами, воодушевляемый наставлениями О. Клеоппы, Матфей ревностно подвизался на избранном пути. Он никому не уступал в точном сохранении устава, был первым во всех трудах монастырских, в бдениях и молитве. Под руководством о. Клеоппы Матфей прожил около трех лет.

В 1778 году строителем в Введенскую пустынь был назначен иеромонах Игнатий, с которым Матфей служил в Санаксарской обители. Он и постриг послушника Матфея в монашество с именем Макарий в 1779 г. 26 декабря следующеМакарий, уви-

Преподобный Феодор
Гравюра 19 в.

Вид Введенской
Островской пустыни
Гравюра 19 в.

Вид Введенской Островской Пустыни.

дев в Пешноше во всем недостаток - одни стены, и те ветхие, начал жалеть о Введенской пустыни, пришел в уныние и стал думать о том, чтобы перейти в другой более обустроенный монастырь. Но однажды ему во сне о явились преподобные **Сергий Радонежский и Мефодий Пешношский** и сказали:

«НЕ ОТХОДИ ОТСЮДА - И ЗДЕСЬ БУДЕТ ВО ВСЕМ ИЗОБИЛИЕ».

Макарий после сего видения как будто переродился и в душе своей почувствовал неизъяснимое утешение, покорился воле Божией и начал трудиться так, как никогда еще не трудился. А 3 апреля 1788 г. после того, как о. Игнатий был переведен в архимандриты Тихвинского монастыря, **строитель Макарий** вступил в **управление Пешношской обители**.

Василий Руднев пишет:

«При Макарии Пешношская обитель не только восстала из развалин, но возвеличилась и прославилась. Ему особенно обязана она своим устройством внешним и внутренним. **Неутомимый и многосведущий в трудах хозяйственных**, он еще более неутомим был в **подвигах внутренней жизни**. Слава его строго подвижнической жизни разнеслась по всей России; отовсюду стали приходить к нему ревнители пустынножительства; число богомольцев в обители с каждым годом умножалось, а вместе с ними явились и средства для ее возобновления. Прежде всего, он постарался возвратить взятые в Переяславль, при упразднении монастыря в 1764 году, некоторые церковные вещи и книги; потом приступил к исправлению полуразрушенных монастырских зданий. Главным помощником его в этом деле был находившийся в числе братства московский купец **Алексей Гри-**

горьев Мокеев. При содействии его и других благотворителей, в короткое время храмы монастыря были возобновлены; для мощей **преподобного Мефодия**, основателя его, устроена новая **бронзовая с позолотою рака**; кельи некоторые исправлены, а некоторые устроены вновь; перестроены: трапеза, поварня, хлебня, квасоварня и другие службы монастырские.

Для странников и богомольцев вне монастыря построена деревянная гостиница, где предлагаемо было им безмездно упокоение и пища; заведено стройное пение, продолжительное богослужение; для любителей безмолвия в глуши монастырского леса построены пустынные кельи; словом, Пешношская обитель в первые же годы правления Макария сделалась образцом для других пустынных обителей. Ее **называли училищем благочестия, примером жизни монашеской**.

Настоятели различных монастырей за советом в затруднительных случаях обращались к Макарию, как к человеку особенно опытному в духовной жизни. Сам преосвященный митрополит Платон часто представлял его в пример другим настоятелям.

Имя Макария сделалось известным и славным и вне России. Он находился в духовном общении и вел переписку с старцем Паисием Величковским и получил от него в дар посох.

В 1795 году обитель посетил преосвященный митрополит **Платон**. Пробыв в ней несколько дней, он не оставил ничего без осмотра, и был изумлен ее хорошим порядком и чиноположением, чистотою и хозяйственностью; он всходил даже на высокую колокольню для обозрения окрестностей и, сходя вниз, сказал следовавшему за ним архимандриту Ираклию: **«Пешноша в моей епархии - вторая Лавра».**

Вид
Никола-Пешношского
монастыря с западной
стороны

Гравюра из книги
К. Калайдовича
«Историческое описание
Никола-Пешношского
монастыря».
СПб., 1837 г.

Митрополит Платон
(Левшин)

После сего посещения любовь и доверие архипастыря к Макарию увеличились. **Преосвященный поручал его ведению многие обители, в которых он должен был заводить общежитие по образцу своей обители и назначать в них настоятелей из своей братии.** Ему были отданы в полное распоряжение монастыри: Сретенский (в Москве), Голутвинский (в Коломне), **Борисоглебский (в Дмитрове)**, пустыни; Козельская Оптина, **Давидова**, Берлюковская и Екатерининская.

Макарий усердно заботился о благоустройстве их, трудился, сколько было сил, и везде оставил по себе славную память; монастыри и по внешности были исправлены, и получили лучшее внутреннее устройство.

Из учеников Макария двадцать четыре человека были настоятелями разных обителей. Преосвященный весьма доволен был Макарием и на докладах его писал: **«Мы все утвержденное утверждаем».**

Назначая в тот или другой монастырь кого-либо из братии Пешношского монастыря, владыка писал: «Назначается с тем, чтобы завел общежитие по примеру Пешношского монастыря».

С усердием и с любовью архимандрит Макарий заботился и о других монастырях и о других учениках.

Один из современников архимандрита Макария так описал обновление **Давидовой пустыни**: «Пустыня сия представляла великую бедность и в такую пришла ветхость, что почти и нужной к служению утвари было недостаточно. Митрополит Платон, украшающий престол Московской митрополии, обратил на нее внимание и приказал Пешношскому строителю Макарию, избрав из своей братии его монастыря, представить к себе, из которых благословил монаха Иосифа быть в Давидовой пустыне строителем и при нем иеромонаха Герасима, да шестнадцать человек послушников. Сии, прибыв в пустыню в 1798 году в ноябре, начали возобновлять оную; в общежитии, церковной службе, и во всем подражают пешношскому... будучи воспитанниками, учениками старинного Пешношского монастыря: то чего от них должно ожидать, коль не подражания своему учителю, а сей пустыне, яко преемнице пешношских обрядов, такого же благолепия и славы».

Кроме монастырей, в его ведении находились и ближайшие приходские церкви в селах: Ведерницах, Рогачеве и Медведевой пустыни. Здесь все церковные постройки и перестройки производились по его совету и под его распоряжением; в Медведевой пустыни ему поручено было завести женскую общину (богадельню), а в Ведерницах предписано было и сумму выдавать ему же. Конечно, надзор этот Стоил ревностному

Макарию больших трудов, а иногда, быть может, и неприятностей.

Внимательный архипастырь высоко ценил труды Макария. 24 августа 1800 года, им дано такое определение: «Для почести Пешношския обители и в вознаграждение за устройство оныя обители и за введение добраго порядка, строителю той обители, иеромонаху Макарию, благословляем носить в служении набедренник и ходить с посохом преподобного Мефодия Пешношского, не в пример будущим по нем строителям».

Любовь и доверие архипастыря усугубили ревность Макария о благоустройстве обители. Сердце его давно скорбело о том, что он должен был отказывать в монашестве многим желающим и достойным того, потому что по штату определено было иметь на Пешноше не более шести монашествующих. В 1801 г. он испросил высочайшее дозволение умножить число их до тридцати человек. С сего времени чиноположение святой горы Афонской, принесенное некогда в Веденскую пустынь старцем Клеопою, введено было на Пешноше в полном составе: положено совершать по две Литургии, заведены синодики, неусыпное чтение Псалтири, вечернее правило с умными (возносимыми без слов - негласно) молитвами и поклонами и др.

С умножением братии, с увеличением числа богомольцев соборный храм свт. Николая оказался слишком тесным. Макарий пожелал распространить его, нашлись и благодотворители, которые помогли ему в этом святом деле. Храм распространен был с западной стороны на восемь аршин, внутри и снаружи обделан в новом виде и вкусе, и обнесен новою папертью.

По возобновлении его, 6 августа 1806 года, **О. Макарий, за отличные услуги обители, возведен в сан архимандрита дмитровского Борисоглебского монастыря с тем, чтобы оставался по-прежнему настоятелем Пешношского.**

Сделавшись архимандритом, Макарий не изменил своей прежней строго подвижнической жизни, и даже смирил себя еще более, хотя не раз повторял со вздохом: **«Был Макарий, а теперь уже стал не Макарий».** Ни в пище, ни в одежде он ничем не отличал себя от прочей братии, в свободное время ходил вместе с ними даже на послушания; воздержание его простерлось до высшей степени. Однажды, во время братского ужина, он послал своего келейника принести из поварни полстакана молока; тот принес ему полный стакан; Макарий огорчился и сказал: «Ты ввел в искушение и себя и меня, да и всю братию: вот, скажут, как Макарий-то **начал жить архимандритом, по целому стакану молока берет** лакомиться».

Игумен
Макарий
Миниатюра из
рукописной «Летописи
Николопешношской
обители отеческой»
иеромонаха Иеронима,
1854 г.
МЗДК

Придя в Борисоглебский монастырь архимандритом, о. Макарий и в нем пытался устроить жизнь монашескую по общежитному уставу. Это было тем сложнее, что монастырь, географически расположенный в центре города, исторически и административно врос в него, стал его частью, в нем сложился особый уклад в общении с горожанами, идущими в обитель за утешением, за духовным справедливым словом, для решения своих религиозных потребностей. И хотя после увольнения архимандрита Макария из Борисоглебского монастыря, правила общежития были тут же отменены, в единичных документах, оставшихся в монастырском архиве, мы видим, как непросто вел о. Макарий борисоглебскую братию к идеалам афонских монахов.

«Его высокопреподобие Дмитровского Борисоглебского монастыря отцу архимандриту Макарию от оною ж монастыря **монашествующей братии Согласие:**

Сего 1808 г. 1 января мы, нижеподписавшиеся монашествующая братия, согласились едино купно в том, чтоб во время здешнего Борисоглебского монастыря общим священнослужением обеден, погребений, панихид или молебнов, как вам ваше высокопреподобие, отец архимандрит, в бытность вашу опущать в общую кружку, так же и нам - при вас и не в бытность вас - получимые за оное служение опущать же в общую кружку и делить по прежнему обыкновению в чем и подписуемся.

Сверху рукой архимандрита Макария начертано Согласен».

Ниже приведен реестр по разделу братской кружки за 1808 г.

«Реестр для разделу из братской кружки дохода 153 рублей, из коих одна треть его высокопреосвященству отцу **архимандриту Макарию**, а монашествующей братии - две части. **1808 г.**

Стоит подпись: Архимандрит Макарий росписался. Казначей иеромонах Савватий 21, иеромонах Филарет -11,59, иеромонах Евтихий - 10,5, бывший священник Иоанн -10, иеромонах Феодосий 10, иеродьякон Иоаким -11, монах Никита 6, монах Иосиф 6, послушник Михаил Алексеев 6, Послушник Илья -5, послушник Тимофей 6».

По данному реестру мы видим, что в Борисоглебском монастыре на 1808 г. числились 1 настоятель и 11 человек монашествующей братии.

Об исключительно плодотворной хозяйственной деятельности архимандрита Макария можно судить по хронике и содержанию документов, отражающих период с 1808 г. по июнь 1810 г. Он строит, ремонтирует, украшает, находит вкладчиков, прилагает подробные сметы, чертежи. У него все просчитано от и до, все обосновано немногословно, но емко. **Его формулировки всегда аргументированы, а аргументы всегда человечны, за ними не скупой хозяйственник, а заботливый пастырь.**

1808 г. февраль доношение митрополиту Московскому и Коломенскому Платону за подписью архимандрита Борисоглебского монастыря Макария:

«Имеется в показанной Борисоглебском монастыре на настоятельских покоех крышка тесовая весьма ветхая и во многих местах проходит течь. То не соблаговолите ли дозволить новую в два теса покрыть».

(Резолюция Дозволяю)

«**1808 г. марта** Владимирской губернии Покровской округи вотчины ее сиятельства графини Варвары Сергеевны Васильевой деревни Драчева крестьяне Косьма Антонов, Яков Николаев **дали сии договорные письма** Дмитровского Борисоглебского монастыря казначею иеромонаху Савватию в том, чтоб нам в настоятельских покоех, светелках и у крыльца старую крышку сломать с бережливостью, стропила поставить другим манером и крышки чтоб были одинаковые. А крыть в два теса без скола, только прокладывать под спай дранью и который тес старый годный употреблять под исподу нового теса. Новый тес выстругать потом верхом. Внутри оных каменных покоев внизу в трапезе и в кухне старый пол выломать, настлать дощатый.

Вверху настоятельской гостиной старые полы бревенчатые выломать, настлать новый дощатый. Так же равно и **в круглой башне круглой кельи** потолки опустить и полы опустить, полы настлать новые дощатые. Против настоятельской гостиной пол настлать ровный и в двух чуланах полы настлать новые дощатые, выструганные, посадить на шипы. Во всем оном внутреннем строении сделать 5 дверей новых, колоды вставить и поверх оных дверей сделать наличники в 5 окошек. Где придется вставить и сделать затворы с наличниками изнутри».

«**1808 г. марта** Дмитровской округи экономической Подчерковской волости села Борисова крестьяне Никита Кузьмин Епифан Обросимов, Игнатий Федотов сие **договорное письмо** Дмитровского Борисоглебского монастыря отцу казначею иеромонаху Савватию в том, чтобы поставить им крестьянам в оной монастырь на казенное строение **10 тысяч кирпичу** и чтобы оной кирпич купить вблизи и с поставки был чистый, ровный, красный и поставить оный кирпич сего 1808 г июля 8 числа сполна и безо всяких отговорок».

(без даты)

Куплено для печи кирпича 600 штук по 90 коп. за каждую сотню Изразцов для печи и лежанки 130, в том числе, новых 33 по 11 коп, старых 97 по 6 коп.

Куплена для печи заслонка

Куплено полосного железа на сумму 3 руб. 50 коп.

Выдано за работу печи 15 руб.

Дано каменщику за починку в разных местах щелей 3 руб.

Куплено вместо штукатурки в покои обоев и стульев всего на 5 руб.

Выдано за очистку мусора и прочих уборок 3 рубля 50 коп.

Итого в расход 145 руб. 80 коп.

(Подпись: нижайший послушник вашего преосвященства архимандрит Макарий)

«**1808 г. июня**, Костромской губернии Чуховской округи, вотчины Николая Григорьевича Желтухина деревни Лукинской крестьянин Петр Кондратьев **дал сие условие** Дмитровского Борисоглебского монастыря его высокопреподобию отцу архимандриту Макарию в том, чтоб в оном монастыре на **соборной Борисоглебской**, придельной **Алексеевской** и на **Николаевской** церквях, **колокольне под главами шей** выкрасить ярью *(масляной краской для окраски железных крыш)* с белилами, а крышки, алтари и паперти мумией с белилами, так же равно и

на настоятельских покоех деревянную крышу выкрасить мумией. И чтоб покрыть оные крышки по 2 раза. Во всех местах старую краску счистить до голого железа, а потом на железных крышках гребнях, где происходит течь, замазать.

Вместо крестьянина Петра Кондратьева за неумением его грамоты и письма учитель нижнего грамматического класса Гаврила Нежданов руку приложил».

1808 г. Доношение:

«В показанном монастыре на соборной Борисоглебской и придельной Алексеевской церквях и на колокольне главы и купола выкрашены были ярью медяной с веницейскими белилами, а на царских алтарях и папертях выкрашено мумией, тако ж равно и на теплой Николаевской церкви глава выкрашена ярью медяной с веницейскими с белилами, церковь, алтарь и паперти выкрашены мумией, то как по долго временному крашению во многих местах послыняли и означилось голое железо, то не благоволите ль, ваше высокопреосвященство, дозволить на помянутых церквях главы выкрасить ярью медяной с веницейскими белилами. А церкви алтари и паперти выкрасить мумией с маслом. О чем и имею доложить».

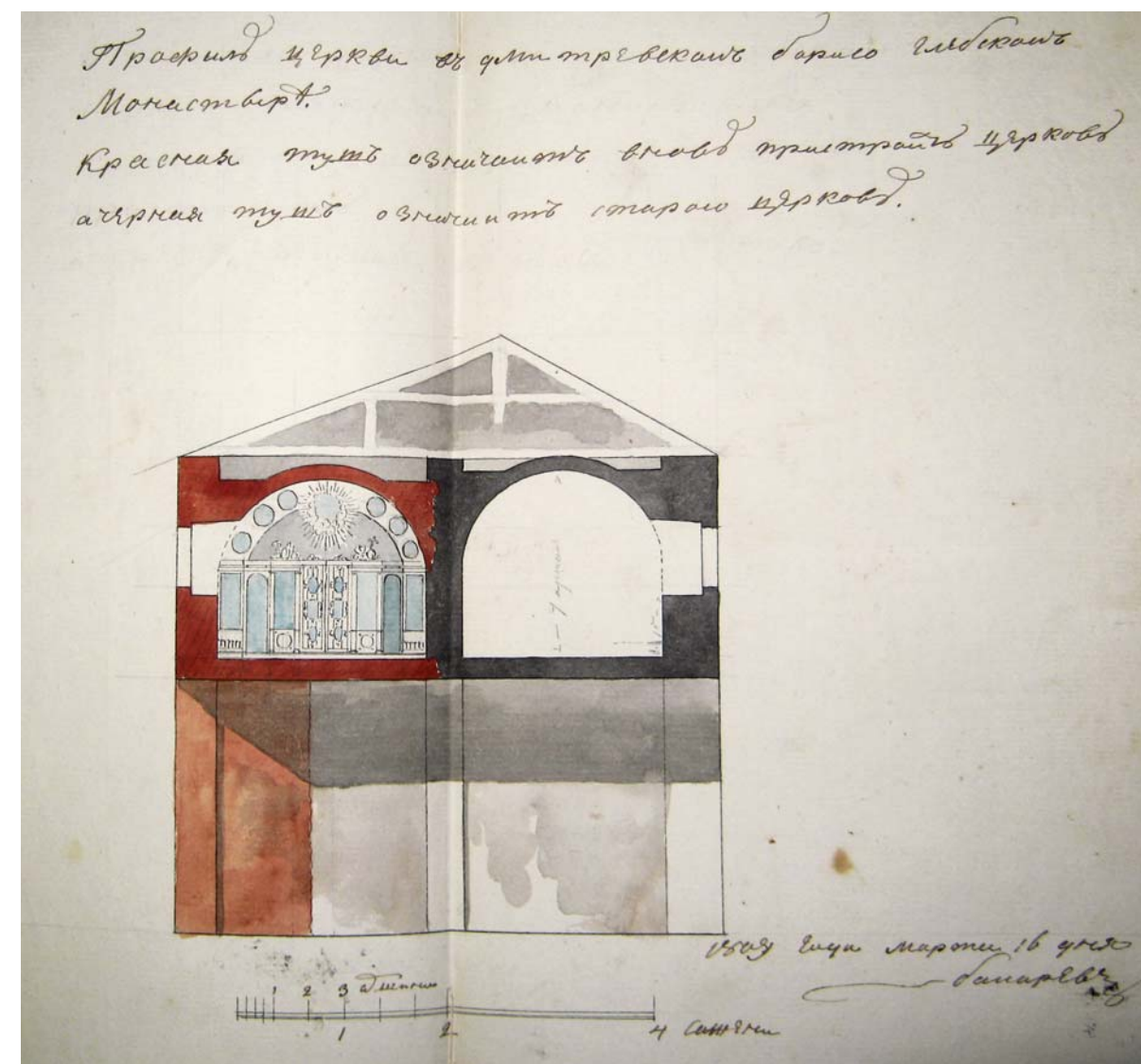
Говоря о стараниях архимандрита Макария в оказании помощи не только монастырям, но и церквям, находящимся под его попечительством, интересны сведения, относящиеся к **бывшей Медведевой пустыни**, упраздненной в 1764 г. По указанию митрополита Платона, о. Макарий разбирал прошение священнослужителей Медведевой пустыни церкви Рождества пр. Богородицы священника Ивана Васильева, дьячка Ивана Васильева, пономаря Петра Михайлова. По нему следовало, что крестьяне самовольно захватили постройки, некогда принадлежавшие монастырю и землю:

«Отвели нам за одним ручьем с левой стороны церкви десятины с три, не более, а себе взяли наилучшую землю в числе означенной грани с правой стороны церкви у другого ручья десятины на 10 пахотной и сенокосной земли. А после того живущие в оной Пустыни экономического ведомства Раменской волости крестьяне Федор Трофимов, Евдоким Прокопьев, Василий Прокопьев, Михаил Никитин, Алексей Прокофьев, Иван Яковлев немалое количество означенной церковной земли вновь застроили самовольно своими домами, сараями, житницами и овинами, и пользуются усадьбой и огородами. Чрез же два года, когда бывает пар в долгом поле, они - показанные крестьяне - гоняют свою скотину церковною травю более полуверсты.

Всепокорно просим от обид означенных крестьян защитить да на оных от сии пустыни жительство вывести на их собственные места, куда следует. **февраля 1808 г.»**.

Изучая внимательно следующий документ, можно увидеть, с какой тщательностью прописаны в нем все возможные ситуации между двумя сторонами, составляющими этот договор:

«1808 г. май 10 дня. Московской губернии и округи оной экономической **Озерецкой** волости **села Троицкого деревни Хлябово** староста Алексей Семенов, крестьянин Федор Андреев, Иван Евтифеев, Фи-

липп Акимов, Иван Сергеев, Сидор Андреев, Егор Афанасьев, Василий Петров, будучи на общем своем мирском согласии, дали сие условие Дмитровского Борисоглебского монастыря его высокопреподобию священо архимандриту Макарию с братией в том, что взяли мы вышеписанные крестьяне сенокосный луг, называемый Ивановский, мерою 24 десятины, состоящий при экономическом селе Игнатове, отмежеванный оному монастырю из называемых **Ростиславских лугов для кошения травы сроком**, начиная с сего текущего 1808 г. вперед на пять лет, то есть на 1808-1812 гг, ценою на каждый год по 110 рублей. И оный деньги платить нам вышеперечисленным крестьянам означенному священо архимандриту или кому от него повелено будет ежегодно 1 июля 55 руб., а остальные 55 руб. 5 декабря, бездоимочно и без всяких отговорок. И оный **сенокосный луг**

содержать нам во всякой от лесу чистоте, расчистки хвороста и сучьев, ни под каким видом не запускать. И если ныне на оных десятинах имеется хворост или разбросанные сучья, то нам крестьянам все оное собрать и по повелению и по указанию священно архимандрита Макария или доверителя его очистить и привести в наилучший для сенокосу порядок. Лес ни под каким видом никому из нас не рубить и подбираемый хворост в лесу не жечь, и огня совсем не раскладывать, да и от посторонних людей от рубки остерегать. Ежели мы вышеписанные крестьяне против сего нашего условия что-либо не выполним, то волен он священно архимандрит с братией и прежде означенных лет оные сенокосные десятины от нас отобрать и отдать другим. И в том нам, вышеписанным крестьянам, против его высокопреподобия не спорить и просьбы ничуть не иметь».

Ниже приведена смета на, так называемые, **представительские расходы**, из которой можно узнать, чем архимандрит Макарий угощал епископа Дмитровского Августина (по некоторым продуктам не проставлена мера веса):

«Для приезде преосвященного Августина куплено муки крупичной 1 пуд ценой 2 руб., вязиги на 1.1 руб., белой рыбыцы 3 на 9 руб., икры 2-1, рыбы белужницы 12 -1,8 руб., в два раза калачей куплено 1,1 руб., масла прованского 1-1.2 руб., 5 лимонов, 1 ведро простого вина для священия - 3.3 руб., сахару и чаю и водки прежней -14 руб., дегтю 10 руб., вин разных и 2 рому, 2 бутылки ренвею, уксуса рейнского и крюшона, 1 бутылка горького. Подпись в сем реестре сомнения нет. Итого 63 руб. 65 коп. **архимандрит Макарий**».

В декабре 1808 г. архимандрит Макарий писал митрополиту Московскому и Коломенскому Платону:

«Состоит в оном монастыре одна престольная теплая церковь во имя святителя и чудотворца Николая, служения бывають в холодной, то по причине бываемого холоду служащие иеромонахи по старости лет литургию читають с немалым трудом. То и осмеливаем вашему высокопреосвященству дозволить не благоволите ли в помянутой теплой церкви **вновь пристроить придел во имя Покрова пресвятой Богородицы, который прежде и был**, на сумму казенную, которой ныне состоит на лице тысяча пятьсот рублей, на что вашему высокопреосвященству при сем представляем план и фасад на ваше архипастырское благорассмотрение и ожидаем милостивейшей резолюции, 7 декабря 1808 г. Подпись вашего высокопреосвященства нижайший послушник архимандрит Макарий.

(Резолюция митрополита Платона: Дозволено. По сему устроить: монастырской кассы на сие употребите не более 500 руб., а прочее исправить от доброхотных дателей. А закон таков).

Примерная смета на построение церкви в Дмитровском Борисоглебском монастыре (подписано позже, через год, 1811 июня за 2 месяца до переведения архимандрита Евгения, сменившего Макария, в другой монастырь)

Буту во рвы глубину 3 аршина кубических сажен 4,5, каждая по 15 руб., за работу по 6,50 руб.

Извести 20-типудовых бочек всего 18, за каждую по 7,50 руб. (с проводом из Москвы)

Кирпич на стены 34 200, на арку 3960, на своды 7200, на крыльцо 18800, за тысячу по 15 руб., за работу по 4,5 руб.

Итого 962 руб. 40 коп.

На другой странице продолжение:

Извести 20-типудовых бочек 128, каждая по 7,50 руб.

Железа 45 пудов, каждый по 3,5 руб., за работу по 1 руб.

Лестница с работой и материалами 90 руб.

Крышки с работой и материалами 145 руб.

За печи 120 руб.

За пол 79 руб.

За подрешетник стропила с работой и материалами 45 руб.

Итого 3124 руб. 37 коп.

*(Ниже приписана более поздняя в сравнении со временем составления сметы, резолюция: **Понаведаться о вкладчиках и с прописанием их сию смету новую доставить. 1811.июнь**)*

А на следующей странице записаны имена вкладчиков, согласных пожаловать средства на строительство придела при архимандрите Макарии:

«Расписание разным дмитровским **вкладчикам** на придел в вышеуказанном монастыре:

Господа: Михаил Афанасьевич Зилов, капитан исправник Александр Козмич, Иван Дмитриевич Чурашов.

Купцы: голова Андрей Семенович Теткин, Иван Артемьевич Тутаринов, Дмитрий Ильич Толченев, Федор Петрович Короваев, Иван Петрович Осетров, московская купчиха Матрена Абросимова».

1809 г. января, доношение митрополиту Платону от архимандрита Макария:

«По данному от меня к вашему высокопреосвященству рапорту о случившемся оного Борисоглебского монастыря в семинарских покоях, где учитель живет, **пожара**. То резолюцией вашей высокопреосвященства предписано: «починить поврежденное под смотрением» моим, на то взять из кассы 190 руб., а ежели сколько не будет чего и сколько не достанет, о том мне предоставить».

Реестр, учиненный Борисоглебского монастыря архимандрита Макария, какое число употреблено на починку пожаром поврежденного учительского покоя разных материалов, 1809 г., апрель.

«Куплено на торговой площади для потолка пиленых бревен 34 за каждое заплачено по 36 копеек, для переводов 4 бревна по 30 коп.

Для перегородок бревен 45, за каждое 7 коп.

Для 3 дверей 8 тесниц, за каждую по 25 коп

Для пола 13 досок, за каждую по 1 руб. 10 коп.

Куплено для 8 рам летних и зимних 15 тесниц, за каждую по 25 коп.

Выдано за вставку оных 8 рам стекол, за каждой работы заплачено по 15 коп.

Для пологого плитуса и на постилку окошек куплено 10 тесниц, за каждую по 15 коп.

Куплено для крыши старого тесу 60, за каждую по 10 коп., драни 60, за каждую по 2 коп.

Гвоздей для прибавки тесу 360 на 2 руб. 35 коп.

За работу плотникам выдано 40 руб.»

По договору от 1809 г. октября месяца, крестьяне должны были поставить «на монастырское каменное строение **кирпичу 50000** и чтоб оный кирпич в обличии и в поставке был чистой и ровный, красный».

Мая 1810 г. «Платону митрополиту московскому и коломенскому, и Святотроицкой Сергиевы Лавры священо архимандриту, Орденов святых Апостола Андрея и Александра Невского кавалеру Дмитровского Борисоглебского монастыря архимандрита Макария **Всепокорнейшее прошение**:

В состоящей в оном Борисоглебском монастыре теплой церкви, во имя святителя и **чудотворца Николая**, иконостас, сделанный только для местных образов, а свыше того до самого свода порозжее (*свободное*) место. А как ныне московский купец **Матвей Федотов сын Свешников** усердствует в означенном порозжем месте сделать иконостас и вызолотить оной, и написать приличествующие тому месту иконы.

Того ради вашего высокопреосвященства милостивейшего архипастыря и отца высокопорнейше и прошу, благоволить коштом означенного купца Свешникова сделать в означенной церкви **как с позолочением иконостас**, так написать в оной и образа. О чем и учинить милостивейшую вашу архипастырскую резолюцию».

(сверху резолюция митрополита Платона дозволено)

27 июня 1810 от архимандрита Макария митрополиту Платону

Дмитровского Борисоглебского монастыря
Архимандриту Макарию здать оной монастырь со всем имуществом церковным монастырским и казенною суммою по ведомостям тамошнему казначею иеромонаху Филарету.
Платон М. Московский.

«Состоит при оном монастыре **конюшенный двор** при оном имеется изба для живущих конюхов и приезжих гостей, то она изба подошла весьма великою ветхостью и к поправке по долговременному ставлению не способна, также при оном дворе сарай очень ветхий да столбы подгнили и крышка опускается то благоволите вместо оной на казенную сумму поставить новую так же и сарай перправить и покрыть новым тесом и на все оное по смете сумму потребно на материал и работу не менее 600 руб.

Резолюция учинить по сему».

Эта была **последняя резолюция** в документах Борисоглебского монастыря, начертанная **слабеющей рукой** митрополита Платона. Далее, на всех документах от его имени **стоял четкий и твердый почерк** преосвященного **Августина Виноградского**.

Еще в начале 1810 г. митрополит Платон, не оправившийся после серьезных приступов, случившихся с ним в 1804 и 1806 гг., слабеющий и теряющий телесные силы, постепенно передавая свои функции в управлении епархией викарию Августину Виноградскому, написал: «Я думаю себя сколько-нибудь утешить. Я намерен все епархии правление сдать на вас: ибо императрица дозволила мне жить в Лавре, а на то время сдать правление викарию: я о том и Синод извещу. Благоволите. Делать нечего: я изнемог и духом и телом. Вы можете; вертитесь, - а мне уж не под леты». (**Жизнь Платона митрополита Московского, 1900**)

О том, когда фактически произошла передача дел, можно судить по следующим документам: «июля 29 дня 1810 г. **Дмитровского Борисоглебского монастыря архимандриту Макарию сдать оной монастырь со всем имуществом церковным монастырским и казенною суммою по ведомостям тамошнему казначею иеромонаху Филарету**. Подпись: Платон. М. Московский» Подпись сделана не митрополитом Платоном.

5 августа архимандрит Макарий пишет о сдаче дел казначею, **предельно вежливо и сдержанно**: «Митрополиту Платону дмитровского Борисоглебского монастыря архимандрита Макария и казначея иеромонаха Филарета **всепокорнейший рапорт**:

Резолюциею вашего высокопреосвященства велено мне Борисоглебский монастырь сдать со всем имуществом церковным монастырским и казенною суммою по ведомостям казначею оного монастыря иеромонаху Филарету, в силу коей сего августа 2 числа означенный монастырь вышеписанному казначею со всем имуществом монастырским, ризницею и казенною суммою по ведомостям **СДАЛ ВСЕ СПОЛНА**; суммы же казенной состоит на лицо **тысяча пятьсот сорок рублей**, о чем вашему высокопреосвященству сим благопочтеннейше и рапортуем. 5 августа 1810 г.».

(Подпись вашего высокопреосвященства всенижайшие послушники архимандрит Макарий, казначей иеромонах Филарет».

На рапорте резолюция:

Архим. Дмитровскому Евгению 1) поехать в монастырь 7 числа, возвратиться 17 дня. 2) освидетельствовать ризницу, монастырское имущество и казну. 3) Какие есть ветхости - описать. 4) Конюший двор, взять план и что ... и представить. По всему отрапортовать».

А за 3 дня до этого архимандрит Макарий напрямую пишет епископу Дмитровскому Августину, что «находится в оном монастыре в числе брат-

Архимандриту Е. Г. 1) пожелать в монастыре
с. Троице-Сергиевском. 2) отвести место в
рубищу, митрополитом Афанасием, иже в
этом месте, Дмитрию. 4) Копии в
платье, что в монастыре, и переписать
в то время (ему) в монастыре
Святительского Преподобного
Синода глену Высокопреосвященнейшему
Платону митрополиту Московскому и Коло-
менскому и свято-троицкия Сергиева Лавры
священно-архимандриту и ордену в Святыях
апостола Андрея и Александра Невского Кавалеру.

Дмитровскаго Борисовскаго Мона-
стыря архимандрита Макария, и
Казнагея Гермоная Филарета.

Всепокорнейший Репорт.

Резолюция Высшего Высокопреосвященства
велемо мнѣ Борисовскій Монастырь здрать Соверши-
и муществомъ Церковнымъ Монастырскимъ и Казен-
ною Суммою по ведомостямъ Казнагея Оная Мона-
стыря Гермоная Филарета; въ силу Коей 1890
августа 2 числа означенной Монастырь Велиетти
Сакному Казнагею Соверши муществомъ Мона-
стырскимъ, ризницею и Казенною Суммою поведе-
мостямъ здать все стоимъ; Сумми же Казенной
и [Сумми] Совершии Не мнѣ пѣсятъ пять сотъ
Сорокъ рублевъ; отемъ Вашему Высокопреосвящен-
ству Симиъ Благополученнейше и репортую мѣ августа
5 дня 1810 года.

Высшего Высокопреосвященства

Всепокорнейший Послушникъ.

Архимандритъ Макарий

Казнагея Гермоная Филарета

ства монах Никита, который неоднократно меня просил о увольнении из одного монастыря для приискания в другой монастырь себе места, ежели вашему преосвященству куда ево заблагорассудится определить, то и я ево уволить согласен да и нужды в нем по сему монастырю никакой не предвидится. Посему оной монах к вашему преосвященству при сем препровождается».

В письме новому архимандриту Евгению епископ Дмитровский Августин сообщил, что до подыскания пансиона архимандрит Макарий (Брюшков) отправляется на житье в Николо-Пешношский монастырь.

Это произошло в августе 1810 г., а в последний день мая следующего года отец Макарий скончался. Дальше продолжим замечательными словами Василия Руднева:

«Макарий был муж высокой добродетели. Лицо его казалось суровым, но сердце было преисполнено христианской любовью. Он жил не для себя, а для блага обители и для блага братии. Все находили в нем мудрого наставника, приветливого собеседника; мудрость наставлений его привлекала к нему не одних монашествующих, но и мирян, и даже людей, высоко поставленных в свете.

Несмотря на обширный круг хозяйственных занятий, Макарий не опускал ни одного богослужения, и везде являл себя примером благочестия и добродетели.

Любя уединенную и безмолвную жизнь, он, когда было досужно, удалялся в глубину лесов и там, в трудах подвижнических, проводил по нескольку недель. Строгий к себе, он строго следил и за нравственностью своих подчиненных. Богослужение при нем было всегда продолжительное, чтение неспешное, пение благоговейное, стояние чинное, выходить из храма до окончания богослужения и сидеть при богослужении дозволялось только немощным и старым: «Хоть худ воин, да воюет», - отзывался о таких о. Макарий. В кельях нельзя было иметь ни картин, ни самоваров, ни других лишних вещей; не дозволялось даже зажигать свечей пред иконами: «БУДЬ САМ СВЕЧЕЙ!», - говорил он братии. Книги для чтения в кельях он давал сам и особенно любил «Духовный Алфавит».

Провинившиеся в чем-либо - были наказываемы, смотря по вине, или поклонами в трапезе, или получали послушания, или переводились из кельи в келью; после наказания виновные получали от него наставление и утешение.

Вообще, для подчиненных он был и наставником и, вместе, отцом, другом и братом. Собственности у него не было. Получал ли он что-нибудь от благотворителей - разделял с братией. Нужны ли были кому-либо деньги, чтобы получить увольнение от общества для поступления в обитель, или для других потреб - он давал, приговаривая: «Мне душа дороже денег. Я верую Богу моему, что денег у меня всегда будет довольно».

В большие праздники архимандрит Макарий созывал всю братию в архиерейские покои и угощал чаем (всегда давал по два куска сахара и по две чашки).

В летнее время, в свободный час, выходил из кельи, садился на скамье под окном с каким-либо рукоделием в руках (обыкновенно вязал чулки)

и, если к нему подходил кто-либо из братии, начиналась духовная беседа; если оставался один, творил умно Иисусову молитву.

Зато и братия любила его. Когда отправлялся он в Мос-кву или в монастыри, порученные его надзору, все провожали его, а встречали, как дети отца. «Батюшка едет! Батюшка приехал!» с радостью говорили друг другу по приезде Макария, и все спешили к нему навстречу, высаживали из повозочки (он всегда ездил в простой телеге или в санях с кибиткою), целовали руки и провожали до кельи, а он непременно, бывало, утешит их каким-либо гостинцем.

Среди подвигов, трудов и забот прошла вся жизнь Макария. Чувствуя ослабление сил, он желал как можно чаще вспоминать о часе смертном, и потому приказал монаху Феофану **сделать из толстой сосны гроб**, строго запретив говорить об этом кому-либо из братии до его преставления. Приготовляя гроб, он предчувствовал близость своей кончины; преставление его, действительно, было недалеко.

Однажды осматривал он сено над конюшнями сверху, оступился, упал в ясли и так сильно разбился, что едва живого принесли его оттуда в келью. С сего времени он ослабел совершенно, и, видя, что уже не встать ему с одра болезни, предложил братии выбрать себе нового настоятеля; но никто не хотел и слышать об этом. Макарий с любовью благословил их, просил помолиться о нем и потом вдруг заговорил о гневе Божиим, грядущем на Россию, - просил, приказывал - молиться усердно, молиться со слезами об отращении гнева Божия, о спасении Отечества. Тогда же, про просьбе братии, дозволил снять с себя портрет, на что прежде никак не соглашался.

12 февраля 1811 года, в неделю сыропустную, на прощальном правиле вдруг вскричал и начал падать; стоявшие близко поддержали его и отнесли в келью на руках. «Так, видно, Богу угодно», - сказал о. Макарий и стал готовиться к своему исходу. 23 марта он был пострижен в великую схиму без переименования имени, и более не выходил из своей кельи.

Через 2 месяца, когда не осталось никакой надежды на выздоровление, братией было донесено преосвященному митрополиту Платону о болезни Макария вместе с прошением благословить их на избрание нового настоятеля. «Пока не услышу о смерти Макария, у вас не будет другого начальника», - был ответ преосвященного. Архимандрит Макарий скончался 31 мая 1811 года, на шестьдесят первом году от рождения. В самый день кончины Макария некоторые из его близких друзей в разных концах России (Герасим, архимандрит Симоновский, и Феофан, строитель Угрешский) видели его, стоявшего в церкви во св. алтаре, в золотой ризе и схиме.

Горячая любовь к почившему выразилась особенно при его гробе; все плакали как дети; бездыханное тело положено в том самом гробе, который был приготовлен им заживо; 3 июня совершено погребение его в настоятельской усыпальнице, под колокольнею, близ гробницы основателя обители, преп. Мефодия. Стечение народа при погребении было многочисленное. Здесь были и ученики его, прибывшие из других обителей, и крестьяне, облагодетельствованные им, и дворяне, чтившие его за высокие добродетели. Братия говорили, что после Макария, у них не будет другого Макария. Это же сказал и преосвященный Платон, получив донесение о смерти Макария».